

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 81'373.43
DOI:10.18503/2658-3186-2026-10-2-45-50

Неологизмы военной тематики 2020-х: отражение общероссийских ценностей

Светлана Григорьевна Шулежкова

Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия, shulezkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0314-6721>

Аннотация. Проблема масштабной неологизации русского языка в первой четверти текущего столетия, особенно в военном дискурсе, является весьма актуальной. Это обновление связано не только с проведением Россией специальной военной операции, но и с обострением международной обстановки и непрекращающимися вооруженными конфликтами, происходящими на разных континентах. Ускорение обновления лексико-фразеологического фонда обеспечивается цифровизацией, охватывающей все сферы жизнедеятельности человечества, и с оформляющейся на планете единой коммуникативной системой. Автор доказывает, что новые языковые единицы военной тематики возникают не только благодаря заимствованиям, но и в результате мощного стремления граждан России к слово- и фразеотворчеству на основе собственных языковых ресурсов. При использовании приемов описательного, сравнительно-сопоставительного и лингвокультурологического методов лингвокультурологического методов, в статье анализируется несколько тематических групп неологизмов военного дискурса, в том числе сверхсловные наименования новых видов вооружений и новых форм ведения боевых действий; названия воюющих подразделений и необычных войсковых операций; позывные участников вооруженного противостояния, а также рожденные в окопах и блиндажах языковые единицы, отражающие фронтовой быт и моральный дух сражающихся. Особый акцент делается на ценностных ориентирах, которыми отмечено множество неологизмов этого сложного времени, в том числе лозунгов и призывов. Представленные материалы могут быть использованы при создании словарей неологизмов первой четверти XXI века, а также в процессе преподавания русского языка студентам гуманитарных вузов и учащимся общеобразовательных школ России.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, неологизм, военный дискурс, общероссийские ценности, лозунги, девизы

Для цитирования: Шулежкова С. Г. Неологизмы военной тематики 2020-х: отражение общероссийских ценностей // Гуманитарно-педагогические исследования. 2026. Т. 10. № 2. С. 45–50, doi:10.18503/2658-3186-2026-10-2-45-50

LINGUISTICS

Original article

Military neologisms of the 2020s: Reflection of Russian Values

Svetlana G. Shulezhkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, shulezkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0314-6721>

Abstract. The issue of neologization of the Russian language in the first quarter of the current century, particularly within military discourse, is highly relevant. This lexical renewal is linked not only to Russia's special military operation but also to the escalation of international tensions and armed conflicts across various continents. The acceleration of neologization is driven by the digitalization that permeates all aspects of human life and the emerging global communication system. The author proves that the renewal of the Russian military lexico-phraseological fund occurs not only through borrowings but also as a result of a strong drive among Russian citizens for word and phrase creation based on native linguistic resources. Employing descriptive, comparative, and linguoculturological methods, the author analyzes several thematic groups of military neologisms, including multi-word units: names for new types of weapons,

© Шулежкова С.Г., 2026.

new forms of warfare, designations for warring units, military operations, participants in armed conflicts, as well as language units born in trenches and dugouts that reflect frontline life and the morale of soldiers. Special attention is paid to the value orientations embedded in many of these neologisms, including slogans and calls to action. The presented materials can be used in creating dictionaries of 21st-century neologisms and in teaching Russian to university and school students across Russia.

Keywords: armed conflict, neologism, military discourse, all-Russian values, slogans, mottos

For citation: Shulezhkova S. G. Military neologisms of the 2020s: Reflection of Russian Values, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2026, vol. 10, no. 2, pp. 45–50. (In Russ.), doi:10.18503/2658-3186-2026-2-45-50.

Введение

Появление неологизмов в любом языке обусловлено теми процессами, которые происходят в жизни его носителей, ибо язык активно реагирует на важнейшие события, переживаемые обществом. Революции, войны, климатические катастрофы, выдающиеся достижения в разных науках, смены режимов, государственные перевороты, великие открытия всегда сопровождаются появлением неологизмов. Как пишет В. М. Мокиенко, «нацеленность на описание собственно новых процессов», характеризующих языковые системы славянских языков, «делает такое исследование заманчивым своей сосредоточенностью на неологике как достаточно широком пространственном и временном явлении, возможностью хронологически, тематически и функционально очертить и оценить это новое на всём пространстве» [1, с. VII]. Ничего удивительного нет в том, что неологизмы активнее всего начинают появляться в тех областях жизнедеятельности носителей языка, которые сильнее всего влияют на их душевный настрой, на образ жизни, на благосостояние их семей и окружающих. А потому неологизмы не могут не отражать аксиологических основ зарождающихся новых языковых средств. В 2017 г., когда цифровизация охватила Евразию (что сказалось на состоянии всех славянских языков), выдающийся польский славист Войцех Хлебда выпустил 9-й том польско-русского словаря «Podręczny idiomatyczny polsko-rosyjski» [2], где описал неологизмы эпохи цифровизации. Ссылаясь на работы ряда лингвистов, в том числе на S. Turkie, профессор Хлебда дал глубокую и точную оценку ментальным процессам, которые отразились на огромном количестве неологизмов, появившихся в русском и польском языках: «Интернет перестал быть для нас просто средством (инструментом) для работы или развлечения: он стал местом, к которому мы приносим свою идентичность, выстраиваем по временам новую личность, отличающуюся от той, которую мы имеем в реальности» (перевод с польского наш) [3, с. 10–11]. Можно приводить бесчисленное количество работ, свидетельствующих о том, как русский язык реагирует на изменения, происходящие в стране, высвечивая одновременно глубокие ментальные перемены, характеризующие состояние общества.

Во время начавшейся в 2022 г. специальной военной операции (СВО) «... русский язык вновь показал свою жизнеспособность, умение отвечать на вызовы времени. Мы наблюдаем появление большого количества новых слов, а также актуализацию их в языке, перехода из пассивного в активный словарь ряда слов и выражений, характерных для прошлых эпох. Кроме того, поскольку в центре внимания оказались военные действия, часть узкоспециальной лексики, представленной в профессиональной коммуникации военнослужащих, перешла в общее употребление», – пишет Е. И. Голованова [4, с. 80].

1. Факторы и пути возникновения неологизмов СВО

Действительно, специальная военная операция, идущая уже 4-й год, стала катализатором рождения в русском государственном языке множества неологизмов как однословных, так и сверхсловных. Длящееся более двух месяцев военное противостояние между Соединенными Штатами и Ираном тоже порождает новые слова и выражения (напр., *фетва (аятоллы) Хаменеи* – ‘клятва не применять атомного оружия’, *дать фетву* – ‘поклониться в чем-либо’), а угроза применения ядерного оружия оказалась настолько реальной, что в прессе появилась новая аббревиатура – *ЯО*.

Военные конфликты всегда вызывают ускоренное развитие в технической сфере, которое неизбежно сопровождается терминологическим «взрывом», и в этой сфере русский язык активно впитывает в себя единицы из американизированного варианта английского языка. Однако в условиях военного противостояния обострение чувства патриотизма и национальной гордости стихийно порождает стремление у граждан к языкотворчеству на основе родного языка. Корпус неологизмов, вызревающий на фоне специальной военной операции, ярко демонстрирует ценностные ориентиры граждан многонациональной России, исторически сложившиеся, но обретшие новое дыхание, когда возникла угроза целостности государства и его суверенитета. Это признание равенства всех людей, независимо

от их национальности, вероисповедания и социального статуса; соборность, проявляющаяся в коллективизме, товариществе, взаимной поддержке; любовь к большой Родине и родному дому; семейные ценности; готовность отдать жизнь «за други своя».

Сфера употребления неологизмов военной тематики в современных условиях не ограничивается военным дискурсом. Появившись в технических лабораториях, на оборонных предприятиях, в репортажах военкоров, выступлениях военных экспертов или на линии реального столкновения с противником, эти неологизмы проходят «обкатку» в армейских штабах, в реальных боевых условиях и в редкие часы передышки между боями. Попадая в военные сводки, рассчитанные на граждан всей страны, они выходят за пределы военного дискурса и «обживаются» в языковой системе, занимая в ней свое достойное место.

2. Классификационные группировки неологизмов военной тематики

Тематически неологизмы, возникшие в военном дискурсе, можно разделить на несколько групп. К наиболее многочисленным из них относятся названия новых видов вооружений и ранее не применявшихся форм ведения боевых действий; наименования сражающихся на российской стороне подразделений и позывные участников вооружённых столкновений; неологизмы, характеризующие фронтовой быт в условиях современной войны; нелестные обозначения и самих противников, и их действий по отношению к мирному населению, а также лозунги и девизы.

Самой многочисленной среди неологизмов военной тематики оказалась группа наименований новых видов оружия: *барражирующие боеприпасы, дрон-камикадзе, безэкипажная машина, самоходный миномёт, дрон-разведчик, беспилотник самолётного типа, робототехнический комплекс «Лягушка»* и пр. Многокомпонентные наименования новых видов вооружения в боевой обстановке сразу приобретают сокращённые названия – аббревиатуры (*беспилотный летательный аппарат – БПЛА, зенитно-ракетный комплекс – ЗРК, ручной противотанковый пулемёт – РПП, самозарядный карабин Симонова – СКС*). Аббревиатуры активно используются не только участниками боевых действий, но и журналистами. Вот как пишет в своем очерке о фронтовом братстве известный военкор Дм. Стешин: «Вечером к нам на позицию, в обвалившуюся пятиэтажку, пришел паренек из соседнего **БПЛА**-расчёта. Он знал, что мы не откажем в помощи. Его мавик уронил вражеский **РЭБ**, а вечером, “по-серому”, надо снабжать раненого бойца, который получил осколок в ногу и на 14 дней застрял в каком-то блиндаже <...> В ходе боя, к сожалению, наш боец был отрезан от основной группы, потому что противник массово применил **FPV**-дроны, артиллерия ударила, начала чужая пехота подходить» [6, с. 4]. К названиям-аббревиатурам нередко добавляются краткие, «родные» имена. Так, самозарядную винтовку Токарева, наряду с аббревиатурой **СВТ**, ласково называют *Светой*; почти у каждой зенитной установки, помимо сокращённого названия **ЗУ** и прозвища *Зушка*, существует и личное «имя»: *Ведьма* («потому что вредная и летающая. Прикрывает колонну бронетехники, все время перемещается и уничтожает воздушные цели» [9]; **САУ** – самоходная артиллерийская установка получила прозвище «*Вредина*» («потому что вредная <...> ломается часто» [Там же]). **БПЛА(а)** – беспилотные летающие аппараты – называют *птичками*. Имена дают не только боевым машинам, но и ручному оружию: «Многие парни называют личное оружие именами своих девушек – “*Маши*”, “*Наташа*”, “*Глаша*”, – рассказал разведчик из ЛНР с позывным “*Лютый*”. Когда автомат в руках, то вроде как и родная душа рядом» [Там же].

Специальная военная операция потребовала кардинального изменения тактики ведения боевых действий, отказа от многолюдных *лобовых атак* и *штурмов* с впереди идущими танками. Гораздо эффективней оказалось работать филигранно, четко, так, чтобы было меньше потерь, а уровень ответственности каждого бойца и взаимодействия с другими участниками боевой операции был выше. Не случайно подготовка новобранцев для СВО включает выработку *боевого слаживания* (см. об этом: [10]).

Терминологический арсенал военного дискурса пополнился сверхсловными неологизмами, называющими новые способы ведения боевых действий: *активная оборона, артиллерийская дуэль, дистанционное минирование, контрбатарейная борьба, ракетный дождь, тактика оперативного окружения, сработать на опережение*. К ним присоединились и разговорные обороты: *дать ответку* – ‘отреагировать на огонь со стороны противника’, *перепахать артой* – ‘подвергнуть массивному обстрелу вражеские позиции’, *пускать птички* – ‘отправлять в сторону врага разведывательные или поражающие дроны’, *сжимать в мешок* – ‘окружать’, *идти на стиль* – ‘штурмовать’ (*малыми группами*), *работать на передке* – ‘сражаться на линии боевого соприкосновения’, *двигать по-серому* – ‘действовать в сумерках’, *рвать гусянку* – ‘обездвиживать танки’ и пр.

Вначале стихийно, а потом и на законных основаниях, во время специальной военной операции

подразделениям, названным официально по номерам, стали даваться «говорящие» имена по разным основаниям – идеологическим, религиозным, социальным, историческим или географическим. Так возникли наименования *Батальон «Русь»*, *Батальон Александра Невского*, *Батальон имени «Сорока мучеников севастьянских»*, *Всевеликое войско Донское*, *ЧВК «Вагнер»* и пр. [10]. Касается это, прежде всего, 52 добровольческих подразделений, созданных в 33 регионах Российской Федерации и составляющих значительную часть воинов на российско-украинском фронте: *БАРС* (Боевой армейский резерв специальный); *Московский «собянинский» полк*; батальон имени Героя Советского Союза В. Ф. Маргелова *«Батя»*; татарстанские батальоны *«Алга»* и *«Тимер»*; осетинский батальон *«Алания»*; отряд *«Шторм-Осетия»*; казачьи батальоны *«Терек»*, *«Кубань»*, *«Енисей»* имени атамана Захария Чепеги, *«Ермак»*, *«Таврида»*; бригада *«Дон»*: волгоградский батальон *«Бессмертный Сталинград»*; чеченские бригады *«Терек»* и *«Ахмат»*; *ОРБ* (отдельный гвардейский разведывательный батальон) *«Спартак»*; *ДШРг* (диверсионно-штурмовая разведывательная группа *«Русич»*) и др.

Нельзя не заметить некоторых особенностей, заметно отличающих регламентированный состав группировки российских войск на СВО от структуры Советской Армии периода Великой Отечественной войны. Во-первых, вместе с регулярными военными и добровольческими подразделениями в специальной военной операции принимают участие казачьи батальоны; во-вторых, легально сегодня на фронте могут нести свою службу и священники основных российских конфессий.

За время проведения СВО появилось немало новых названий (и однословных, и сверхсловных) самих участников военного противостояния. Они определяют профессиональную специализацию каждого бойца. Назовем лишь некоторые из них: *авиаштурмовики*, *дроноводы*, *операторы БПЛА*, *ополченцы первой волны*, *лётчики малого неба*, *стрелковцы*, *мотострелки* и др. Что же касается ВСУ (военных сил Украины), помимо нейтральных названий типа *украинцы*, *украинские подразделения*, *военнослужащие ВСУ* и пр., когда описываются зверства, которые творили представители *незалежной* во время оккупации русских населенных пунктов, то обычно используются именованные, отмеченные негативной окраской: *бандеровцы*, *вэсэушники*, *украионацисты*, *украинские националисты*, *неонацисты*, *азовцы* (члены националистической организации, запрещённой в РФ), *белые ангелы* (лица, специализировавшиеся на насильственном изъятии детей из донбасских и луганских семей при эвакуации населения).

Новым явлением для российских вооружённых сил и для русского языка следует признать также стихийно возникшее и ставшее практически обязательным наличие у каждого воина СВО позывного. Количество позывных настолько велико (в нашей коллекции их около полутора тысяч), и так много они могут сказать о тех, кто сражается сегодня, отстаивая независимость России и наши нравственные идеалы, что позывные нуждаются в специальном исследовании. Здесь позволим себе привести лишь небольшой отрывок из репортажа А. Долгарёвой, где герои – молодые ребята с «говорящими» позывными: «– А я **«Валькирий»**, – хмурится круглолицый парнишка. – Когда получил этот позывной, мне 19 было, и азарт штурмовать. Многого тогда не понимал. Называют его, конечно, **«Валькирией»** – мужская форма звучит очень уж непривычно. Сейчас ему 23. Начинать в десанте, в 2022. В первом бою мальчишка, как учили, закинул в блиндаж противника термобарический боеприпас, потом гранату, потом сам влетел туда с автоматом – положил троих <...> Тогда командир и дал Саше позывной **«Валькирия»**. Залетал в Херсон, дрался в Артёмовске (Бахмут), где пришлось схлестнуться с 3-й отдельной штурмовой бригадой ВСУ, большие известной как **«Азов»** <...> Под Волчанском прошлой осенью провёл три месяца на боевой задаче – пил воду из луж, исхудал. Был ранен. С напарником **«Барсом»**, ненамного его старше, они прикрывали друг друга. То **«Валькирия»** уводил дрон от раненого **«Барса»**, то **«Барс»** – от **«Валькирии»**, когда тому тоже прилетело <...> **«Мультик»** – ровесник **«Валькирии»**, но, в отличие от него, только прибыл на полигон после долгих попыток попасть на СВО. Рассказывает: – Друзья уходили, и я принял решение, что должен идти защищать Родину, а не сидеть на гражданке и радоваться жизни <...> Почти вся эта группа спецназа – молодые мальчишки, которые тем не менее уже больше года воюют на Красноармейском (Покровском) направлении. **«Тигр»** и **«Цезарь»** сдружились особенно еще в учебке в Сибире» [11].

3. Лозунги и девизы как фактор закрепления ценностей в неологизмах

Те, кто сражается сегодня на западных рубежах нашей Родины, хорошо знают, за что и за кого они воюют, и какие ценности защищают. Наиболее определенно это видно по лозунгам и девизам, которые либо родились во время СВО, либо актуализировались из военно-публицистического арсенала прошлого России, которая неоднократно подвергалась военным угрозам: «Известно, что именно язык выступает в качестве основного инструмента идеологии, с помощью которого осуществляется

воздействие на массовое сознание» [12, с. 6]. Ключевым жанром концентрированного идеологического воздействия на массы как раз и являются лозунги и девизы. В России, пережившей многочисленные войны, «лозунговый арсенал и визуальные атрибуты» армии целенаправленно «формировались с опорой на исторический опыт, накопленный в условиях необходимости готовить и поддерживать боевой дух воинов-защитников Отечества» [13, с. 132]. Но специальная военная операция – это не просто жестокое военное противостояние врагов. В ней друг против друга оказались родственные славянские народы. Россия вступила в войну, чтобы защитить подвергшееся на Украине дискриминации русское население Донбасса и Луганщины. За спиной Украины стоит фактически вся западная Европа. Так что российские подразделения сражаются не только за свободу и право своих братьев говорить по-русски и исповедовать православную веру, но и за собственное право жить в соответствии со своими цивилизационными ценностями, которые основаны на любви к родной земле, к ближнему, на почитании родителей, на уважении к человеку труда и на милосердии; на верности присяге и долгу.

Когда война идет между людьми, которые когда-то находились в одном и том же государстве и могут говорить на одном и том же языке, каждый участник боевых действий, защищающий интересы России, должен быть уверен, что на его стороне ПРАВДА. Потому лозунги и девизы, рожденные в условиях СВО, так часто содержат лексемы с корнем *прав-*: *Наше дело правое!*; *За нами правда!*; *Сила в правде!* И вполне понятно, почему с самой высокой частотностью в наши дни и в средствах массовой коммуникации, и в телевизионных передачах, и в военных репортажах мы вновь слышим сформулированный в первые дни Великой Отечественной войны В. М. Молотовым афоризм, ставший лозунгом Советской Армии: *Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!*

Масса лозунгов и девизов, используемых в связи событиями на западных рубежах нашей страны, открыто называют ценности, во имя которых российские воины сражаются и готовы жертвовать своей жизнью. Это патриотизм, проявляющийся не только в любви ко всей России, но и к своей малой Родине; ощущение единства армии со всем народом; готовность к выполнению воинского долга; надежда на твердую поддержку тыла; верность долгу и чувство товарищества; уверенность в победе: *Мы – Россия!*; *За нами Россия, за нами страна!*; *Мы вместе с Россией!*; *За Родину! За Россию!*; *Пока мы едины, мы непобедимы!*; *Чем крепче тыл, тем крепче фронт!*; *Никто, кроме нас!*; *Русские своих не бросают!*; *Невыполнимых задач нет!* и пр.

Новым явлением в лозунговом арсенале можно признать формулы религиозного содержания. В армию вернулся православный девиз, когда-то широко использовавшийся непобедимым российским полководцем А. В. Суворовым: *С нами Бог!* Параллельно с этим девизом на фронте можно услышать и мусульманский клич *Аллах акбар!* Это неудивительно: плечом к плечу в СВО сражаются представители разных национальностей и конфессий (христиане, мусульмане, буддисты и даже язычники).

Заключение

Специальная военная операция продолжается, спокойнее не становится международная обстановка, и в данной работе затронуты далеко не все пласты неологизмов военной тематики, родившихся в 20-годы текущего столетия. Перед лингвистами стоит задача исследовать неологизмы, связанные с волонтерской деятельностью, развернувшейся в России после начала СВО; с административной и восстановительной хозяйственной деятельностью в освобожденных регионах, постоянно подвергающихся со стороны ВСУ террористическим атакам и вынужденных защищаться от дронов, атакующих с неба, от «подарков»-мин, оставленных бандеровцами на земле. Последствия этой войны оставляют свои следы не только в сердцах выживших бойцов, но и в русском лексико-фразеологическом фонде.

Список источников

1. Мокиенко В. М. О фразеологических неологизмах // Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski, 2003. С. VII–XXVI.
2. Chlebda W. Podręczny idiomatycon polsko-rosyjski. Koncepcja całości I redakcja zeszytu. T. 9. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2017. 377 s.
3. Chlebda W. Słownikowy opis zwrotu cyfrowego. Podejście pierwsze // Podręczny idiomatycon polsko-rosyjski. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2017. S. 9–28.
4. Голованова Е. И. Изменения в лексике и грамматике русского языка под влиянием специальной военной операции // Русский язык и языки народов России: проблемы взаимодействия, перспективы развития: сборник материалов научной конференции (19-20 ноября 2025 г.). Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного университета им. Г. И. Носова. С. 79–85.

5. Стешин Дм. Батальон воевал за своего «Маэстро» всеми дронами, минами, вареньем и борщом // Комсомольская правда, 24.03.2026.
6. Демченко В. Пуля «Привет», машина «Шалун» и огнемёт «Буратино» // Комсомольская правда, 25.01.2023.
7. Кубатьян Г. Калмык «Кубинец» и грузинский князь учат казаков воевать // Комсомольская правда, 30.01.2024.
8. Кубатьян Г. От «Вредины» до «Ведьмы»: Почему на СВО дают имена боевой технике // Комсомольская правда, 10.17.2024.
9. Стешин Дм. Назвали батальон в честь святых – и тяжелых потерь нет // Комсомольская правда, 10.02.2023.
10. Ерошкин А. Слаживание. Охота на слова // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2022/10/26/1000> (дата обращения: 10.08.2024).
11. Долгарева А. Как воюют зумеры // Комсомольская правда, 20.03.2026.

References

1. Mokienko V. M. O frazeologicheskikh neologizmakh [On Phraseological Neologisms], In *Novaya russkaya frazeologiya*, Opole, Uniwersytet Opolski, 2003, pp. 7–26. (In Russ.).
2. Chlebda. W. *Podręczny idiomatycon polsko-rosyjski. Koncepcja całości I redakcja zeszytu* [Handy Polish-Russian Idiomatycon. The concept of the whole and editing of the volume], t. 9, Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2017, 377 p. (In Polish).
3. Chlebda W. Słownikowy opis zwrotu cyfrowego. Podejście pierwsze [A Lexicographic Description of the Digital Turn. The first approach], *Podręczny idiomatycon polsko-rosyjski*, Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2017, pp. 9–28. (In Polish).
4. Golovanova E. I. Izmeneniya v leksike i grammatike russkogo yazyka pod vliyaniem spetsial'noi voennoi operatsii [Changes in the Vocabulary and Grammar of the Russian Language under the Influence of a Special Military Operation], In *Russkii yazyk i yazyki narodov Rossii: problemy vzaimodeistviya, perspektivy razvitiya: sbornik materialov nauchnoi konferentsii = The Russian language and the languages of the peoples of Russia: problems of interaction, development prospects: (19-20 noyabrya 2025 g.)*, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorskogo gosudarstvennogo universiteta im. G. I. Nosova, pp. 79–85. (In Russ.).
5. Steshin Dm. Batal'on voeval za svoego "Maehstro" vsemi dronami, minami, varen'em i borshchom [The Battalion Fought for its "Maestro" with all Drones, Mines, Jam, and Borscht], *Komsomol'skaya Pravda = Komsomolskaya Pravda*, 24.03.2026. (In Russ.).
6. Demchenko V. Pulya "Privet", mashina "Shalun" i ognemet "Buratino" ["Hello" Bullet, "Rascal" Car, and "Buratino" Flamethrower], *Komsomol'skaya Pravda = Komsomolskaya Pravda*, 25.01.2023. (In Russ.).
7. Kubat'yann G. Kalmyk "Kubinetsts" i gruzinskii knyaz' uchat kazakov voevat' [Kalmyk "Cuban" and Georgian Prince Train Cossacks for War], *Komsomol'skaya Pravda = Komsomolskaya Pravda*, 30.01.2024. (In Russ.).
8. Kubat'yann G. Ot "Vrediny" do "Ved'my": Pochemu na SVO dayut imena boevoi tekhnike [From "Vredina" to "Vedma": Why Military Equipment is Given Names in the Special Military Operation Zone], *Komsomol'skaya Pravda = Komsomolskaya Pravda*, 10.17.2024. (In Russ.).
9. Steshin Dm. Nazvali batal'on v chest' svyatykh – i tyazhelykh poter' net [Named a Battalion after the Saints—and There are no Heavy Casualties], *Komsomol'skaya Pravda = Komsomolskaya Pravda*, 10.02.2023. (In Russ.).
10. Eroshkin A. Slazhivanie. Okhota na slova [Harmonization. Hunting for Words], *Proza.ru*. URL: <https://proza.ru/2022/10/26/1000> (data ob-rashcheniya: 10.08.2024). (In Russ.).
11. Dolgareva A. Kak voyuyut zumery [How Zoomers Fight], *Komsomol'skaya Pravda = Komsomolskaya Pravda*, 20.03.2026. (In Russ.).

Информация об авторе

Шулежкова С. Г. – доктор филол. наук, профессор каф. русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г. И. Носова.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Shulezhkova S. G., Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU).

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.